

УДК 172.4

НАЦИОНАЛИЗМ – КОСМОПОЛИТИЗМ – АНАРХИЗМ: В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Власов А.А.

Российский Государственный Гуманитарный Университет, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: mioxin@gmail.com

Смена парадигм, переоценка ценностей, переосмысление отношений, находящихся в основе общества, государства и самих условий человеческого сосуществования, – всё это представляет собой отдельные характеристики того, что подразумевает под собой социальная революция. Анархизм, национализм и космополитизм – три социальные концепции, противостоящие друг другу на первый взгляд, но имеющие при более внимательном рассмотрении связи более утончённые и подчас взаимозависимые, которые обусловлены, не в последнюю очередь, неоднозначностью самих этих концептов.

Само понятие социальной революции, возникшее в рамках философии анархизма, уже давно перестало принадлежать только ему и вышло за пределы его политической программы. Следовательно, говоря о социальной революции, необходимо учитывать те возможные интерпретации, которые могут быть отнесены к её современной трактовке. Последовательно раскручивая спираль критического анализа, можно совершить переход от изменений, происходящих внутри отдельного государства-нации, к взаимоотношениям между глобальными акторами, чтобы в итоге обнаружить позицию максимальной критики существующих отношений. Таким образом, анализируя явление социальной революции, можно обратить внимание на появляющийся треугольник понятий, на основании коммуникации которых проявляется актуальный смысл того, что в настоящее время включает в себя эта концепция и почему важно осознать её аксиологическую нагрузку, чтобы представить те социальные изменения, которые могут произойти в обществе при выборе того или иного пути собственного развития.

Ключевые слова: космополитизм, анархизм, социальная революция, национализм.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования настоящей статьи выступает концепция социальной революции, в то время как предметом проведенной работы можно назвать осмысление этого концепта тремя различными моделями политической философии (национализма, космополитизма и анархизма).

Актуальность и Новизна. Актуальность выбранной темы объясняется рядом факторов, среди которых можно выделить, прежде всего, динамическую природу самого понятия «социальная революция», что позволяет рассмотреть этот концепт через призму различных интерпретационных подходов. Кроме того, современный кризис государства, как основополагающего элемента политической философии, приводит к необходимости более глубокого анализа альтернативных моделей развития общества, в рамках которых социальная революция представляется

автором неотъемлемым элементом возможных социально-политических трансформаций. Более того, своевременное осмысление тех изменений, которые происходят в рамках дискурса социальной революции, способно существенно углубить философско-политический анализ и обнаружить новые векторы развития происходящих процессов, поскольку сама концепция «социальной революции» имплицитной заложена в основу функционирования общества, будучи маркером радикальных изменений последнего.

Цель и задачи. В этом отношении, цель настоящей статьи видится в попытке критически отобразить возможные сценарии развития тех отношений внутри общества, которые могут быть определены как элементы потенциальной социальной революции, а также продемонстрировать программную связь этих отношений с политической философией национализма, космополитизма и анархизма. Также, к задачам проведенного исследования можно отнести намерение указать на фактическую подмену исходного понятия, которая происходит в рамках националистического и космополитического проектов, где идея социальной революции служит для оправдания традиционных и консервативных отношений в обществе.

Метод исследования. В ходе проведенного исследования применялись методы политико-философской компаративистики, герменевтические методы (анализ и интерпретация), кроме того, в качестве вспомогательного инструмента анализа использовался исторический подход.

Хронологические рамки. Говоря о хронологических рамках статьи, следует отметить, что основное поле аргументации охватывает период со второй половины XX в. до второго десятилетия XXI в., затрагивая последние разработки исследователей в области политической и социальной философии, а также из сферы международных отношений.

Прежде всего, имеет смысл пояснить, что центральными понятиями в рамках заявленной темы выступают «космополитизм» и «социальная революция» в том смысле, что ключевой вопрос сводится к тому, насколько концепция космополитизма может пониматься как элемент современной социальной революции.

Разумеется, необходимо уточнить, в каком отношении тогда возникают «национализм» и «анархизм» и почему они помещены в равнозначные позиции с «космополитизмом». Ответ заключается в том, что на самом деле эти три концепта воплощают собой три различных прочтения изначальной космополитической идеи.

Как справедливо замечает Карл Леви, исследователь политической философии в Голдсмит Колледже при Университете Лондона, в своей статье «Anarchism and Cosmopolitanism»: «Концепция космополитизма всегда была с лицом Януса» [12, с. 125]. Это связано с тем, что практически с самого своего появления идея космополитизма разделилась на два кардинально противоположных направления: маргинализованный класс политических оппозиционеров государства и либерально-буржуазную прослойку общества, стремящуюся преодолеть границы отдельного политического образования ради максимизации собственной прибыли.

Действительно, можно утверждать, что полемика вокруг значения космополитизма стало центральной точкой раскола в национальной и

международной политической структуре с 1989 г., которое поставило победителей глобализации против проигравших. Таким образом, изначальный водораздел космополитизма проявился с новой силой, придав свежий импульс, казалось бы, неоспоримой ценности демократического мира.

Тем временем, еще одно прочтение космополитизма восходит к Канту и выражается в его идее создания федерации государств, обозначенной в его работе «К вечному миру». Эту концепцию соотносят с существованием определенного уровня глобального управления, ограничивающего суверенность отдельных государств, но при этом без создания единого мирового государства. Также предполагается, что космополитические институты будут сосуществовать с государствами, но по уровню своей власти будут превосходить государства в отдельных сферах деятельности.

И теперь, прежде чем рассмотреть каждый из видов космополитизма, следует ответить на вопрос: «Что подразумевает под собой социальная революция?»

Изначально, социальная революция подразумевала разрыв установленных социальных отношений, который происходил благодаря самому обществу и подразумевал радикальную трансформацию всего спектра привычных общественных отношений и взаимосвязей отдельной группы людей в рамках определенного пространства. Иными словами, она связана с разрушением «старого порядка» существования и функционирования конкретного сообщества. Важно отметить, что сам процесс такого преобразования является «восходящим», что отличает саму идею социальной революции от реформ, которые реализуются сверху вниз посредством политической элиты с целью реорганизации отдельного общества. Таким образом, это «коллективная способность людей коренным образом изменить условия своего существования» [20]. Кроме того, социальная революция не сосредоточена исключительно на захвате власти, но она ищет своей целью наделение властью каждого члена общества, что проявляется как «процесс радикального уравнивания условий и борьбы против всех форм доминирования» [20]. Это именно то, что Корнелиус Касториadis, французский философ и один из теоретиков леворадикальной либертарно-социалистической группы «Социализм или варварство», называет «самоустановлением общества» [18].

С другой стороны, концепция социальной революции зачастую используется для обозначения таких научно-технических, экономических, политических инноваций, что способны вызвать перемены в социальном строе, которые можно будет по праву считать «тихой» социальной революцией. Это, например, интернет, глобализация, создание единого европейского пространства, – явления, которые не просто видоизменили способы коммуникации, но и привели к установлению новых ценностей, как и к появлению нового типа мышления и сознания.

Унификация или «космополитический национализм»

Итак, каким образом космополитический проект превратился в элемент национальной политики и стал тем видом национализма, который претендует на то, чтобы произвести социальную революцию?

Для ответа на этот вопрос следует обратиться к примеру США, как «флагмана»

и главного хранителя либеральных ценностей человечества, чья роль в этом качестве особенно усилилась после событий 11 сентября 2001 г.

В июле 2003 г. премьер-министр Великобритании Тони Блэр, выступая перед Конгрессом США, «развенчал миф» о том, что приверженность свободе воспринимается как продукт западной культуры, и объявил «наши» ценности «универсальными ценностями человеческого духа», выразив тем самым максимально космополитическую позицию [17, С. 8]. В ноябре того же года Джордж Буш-младший (43-й президент США) произнес речь перед британскими политиками в Лондоне, в которой провозгласил, что «экспансия свободы является задачей нашего времени. Это задача нашей страны (*США — В. А. А.*)... веление самой природы... задача Истории... И мы верим, что свобода, которую мы так высоко ценим, далека от того, чтобы быть исключительно для нас самих, но является правом и способностью каждого человека» [17, С. 8].

Спустя год, в ходе предвыборной кампании, он расширил свой тезис, заявив, что Соединенные Штаты Америки призваны возглавить процесс распространения свободы в новом веке, делая акцент на том, что «свобода есть дар, который преподносит Всемогущий мужчинам и женщинам этого мира» [17, С. 8–9]. И наконец, в своей первой речи на посту президента в январе 2005 г. Буш провозглашает, что, «несмотря на то, что на протяжении всей Истории правосудие осуществляется подобно приливам и отливам, присутствует единая проявленная линия, отмеченная свободой и Создателем свободы» [17, С. 9].

Таким образом, можно проследить, как американские национальные ценности были универсализированы и превращены в общечеловеческие, в те ценности, которые предоставляются самой природой и которые, в конечном счете, воплощают собой замысел Творца. Более того, провозглашая свободу и ее распространение как ценность, так и задачей США во благо человечества, Дж. Буш апеллирует к центральной для христианской цивилизации фигуре Бога с тем, чтобы легитимировать политические действия своей страны и получить поддержку всех тех, кто причисляет себя к христианской традиции.

С другой стороны, можно обратиться к экономическому аспекту, подразумевая под этим современный процесс глобализации, также носящий черты товарной (потребительской) унификации. Вполне определенно можно было бы говорить о глобализации как об экономическом космополитизме, в рамках которого предусматривается развитие единого глобального экономического рынка свободной торговли при минимальном участии государств. Однако именно в этой сфере наиболее отчетливо прослеживаются элементы западной национальной политики.

В контексте экономической глобализации, становится интересным отношение 28-го президента США Томаса Вудро Вильсона к развитию коммерческих связей, поскольку это отношение (на которое ссылается Дж. Буш, выстраивая единую политическую линию Соединенных Штатов) достаточно недвусмысленно характеризует весь проект глобализации: «Поскольку коммерция не знает, что такое национальные границы, а торговцы стремятся расширить свой рынок до размеров всей планеты, флаг их страны должен следовать за ними, и следует разрушить все двери, которые нации закрывают у них перед носом. Политическая власть должна

защищать привилегии, полученные за счет экономической силы, даже если будет необходимо нарушить суверенитет непокорных стран. Необходимо добиваться или насаждать колонии, чтобы ни один уголок мира, который мог бы оказаться полезным, не оставался затерянным или неиспользуемым» [17, С. 11].

Таким образом, можно обратить внимание на два момента, которые проявляются в такой «космополитической» политике. Во-первых, это отчетливые тенденции к активному вмешательству в дела «непокорных стран» или, говоря иначе, «упреждающий космополитизм», который выражается в «намеренной попытке создать консенсус в отношении ценностей и поведения – космополитического сообщества – среди различных сообществ» [15, С. 2]. Это выражается, в том числе, в распространении сетевых торговых центров, вследствие чего земельный ресурс отдельных стран используется для развития и распространения американской экономической модели. Второй аспект заключается в том, что возникает вопрос о том, что и почему считать ценностями. Если проанализировать то, что выдают Блэр и Буш за универсальные ценности, то становится понятным, что речь идет о политических интересах и желаниях тех стран, которые они представляют. Таким образом, «космополитические» заявления лидеров США воплощают собой производные от национальной политики, которые тяготеют к максимальному распространению, пусть даже путем «упреждающих» действий. Как пишет Нейл Смит, американский писатель политический активист либертарианского толка: «... [просвещенный либерализм, неотъемлемо присущий] политической экономике Адама Смита, космополитизму Канта, волюнтаризму Руссо, практическому эмпиризму Юма и, конечно, юридической политике частной прав и собственности Джона Локка [не является] политическим антитезисом современного консерватизма, но его позвоночным столбом» [17, С. 13].

Очевидно, что насаждение унифицированных ценностей и вмешательство во внутренние дела суверенных государств не может не отразиться на характере социальных отношений, которые в ходе такого рода политики подвергаются как испытаниям, так и самому существенному пересмотру. С одной стороны, происходит вымывание национальной идентичности и национальных ценностей одних государств; а с другой – насаждение других, но опять-таки национальных ценностей других. Таким образом, можно говорить о социальных изменениях, которые берут свое начало сверху, в сфере международных интересов отдельно взятой страны и ищут своей целью трансформацию устоявшихся отношений между представителями различных государств-наций. Следовательно, и как это сразу бросается в глаза, такого рода космополитизм входит в противоречие с определением социальной революции, источник которой восходит к массам. Однако в нашем примере имеет смысл указать на то, что в реальности существует ряд стран, принимающих и поддерживающих такого рода *экономический космополитизм*, а на индивидуальном уровне существует те, кто разделяет предлагаемую систему ценностей, связывая ее с идеей мирового сообщества. А значит, внутри человеческого общества создается своего рода напряжение, где с одной стороны находятся сторонники такого унифицирующего космополитизма, а с другой – его противники. То есть, потенциально национально-космополитическая политика

отдельного государства способна воздействовать на общество таким образом, что внутри последнего будут зарождаться тенденции к слову автономного существования и национально-ориентированного государства ради включения его в более широкую политическую конструкцию.

Универсализм или космополитический проект Канта

Другим углом обзора космополитизма можно назвать моральный проект Канта, который в своей основе базируется на предложенном философом категорическом императиве [2]. С этой точки зрения, моральные обязанности не ограничиваются границами политических образований, но применимы универсально. Для Канта все люди имеют право на взаимное гостеприимство в любой точке мира, «в силу их права на коммунальное владение земной поверхностью» [4].

Особое внимание имело приложение идей Канта к теории международных отношений, поскольку, будучи в своей основе согласным с позицией Гоббса о существовании естественного состояния и войны всех против всех, Кант предлагает более оптимистический вариант сосуществования различных политических образований. Согласно тому, о чем идет повествование в работе «К вечному миру», задача международных отношений заключается в осуществлении работы, направленной на создание космополитического общества. Также речь идет о предпочтительности создания глобального государства, которое бы смогло объять все народы. Однако, поскольку такое государство рассматривается не как воля самих народов, Кант отвергает идею всемирной республики, но вместо этого предлагает проект стабильной и постепенно расширяющейся федерации, чтобы снять угрозу потенциальной войны как основной проблемы базовых теорий международных отношений.

Важно отметить, что космополитическая идея Канта нашла поддержку у тех теоретиков, которые опровергали неизменный характер системы государств, поскольку мысль Канта можно рассмотреть на трех уровнях. Во-первых, космополитический проект Канта выводит моральные обязательства за ограниченные пределы государства-нации. Во-вторых, этот проект предлагает рассматривать связь между историческими событиями через их содействие глобализму с учетом особой роли политической практики. И в-третьих, Кант предлагает выстроить систему международного институционализма для предотвращения угрозы войны. Таким образом, моральное, историческое и институциональное измерения становятся новым видением форм межгосударственной коммуникации, выходящим за рамки тоталитаризма отдельного государства. Иначе говоря, приложение идей Канта должно было привести к тому, что мировое гражданское общество или универсальная система космополитического управления была бы направлена на уменьшение роли государства-нации как единственного центра законной власти в пределах собственных границ.

Однако следует обратить внимание и на критические моменты, которые проявляются при подробном анализе кантовского космополитизма. В первую очередь, это телеологический взгляд на историю. Далее, это фактический европоцентризм, выступающий под маской универсализма. И в-третьих, в

политической плоскости очевидна постоянная отсылка Канта к модели суверенного национального государства (несмотря на сокращение его политических полномочий), так или иначе положенного в основание космополитической структуры нового порядка.

Тем не менее, именно кантовскую модель космополитизма можно сравнить с проектом современной европейской *мондиализации* (что подразумевает не только единое экономическое, но и социо-культурное и политическое объединение, а также универсализацию общих принципов взаимодействия), то есть с теми процессами, которые происходят в рамках Европейского союза, когда выстраивается не просто единый аппарат управления целым регионом, но и происходит многоуровневая интеграция, которая действительно кардинально изменяет привычную идентификацию граждан ЕС, превращая их из носителей отдельной национальной культуры в представителей общеевропейской традиции. И, хотя этот проект пока что нельзя экстраполировать в его актуальной форме на все социальное пространство планеты, вполне очевидно, что происходит пересмотр отношений между гражданами этой политической структуры, равно как и меняется их отношение к праву пользования землей, а следовательно, к их принадлежности к отдельной территориальной единице (государству-нации). Однако для современной космополитики остается ряд вопросов, касающихся прав иностранцев, иммигрантов, изгнанных, депортированных, лиц без гражданства или перемещенных лиц, в особенности, когда это связано с теми, кто попадает в *европейский космополис* из территориального пространства, не входящего в состав единой политической сферы. Иначе говоря, остается открытым вопрос о всеобщем гостеприимстве, поскольку оно остается избирательным и достаточно условным (поскольку национальное государство а не другая политическая единица, определяет и обеспечивает соблюдение законов, касающихся того, кто может воспользоваться правом гостеприимства, а кто – нет). Таким образом, хотя кантовская формулировка космополитического идеала являет действительную попытку выхода за границы системы из государств-наций, она представляет собой крайне ограниченную парадигму, в которой суверенитет государства остается все-таки неизменным [6, С. 101].

Эгалитаризм или «анархический космополитизм»

Анархистская точка зрения на космополитизм может быть плодотворно применена к различным подходам, которые процветали в политической теории, социологии и истории после окончания Холодной войны. Но, прежде рассмотрим возрождение (или даже перерождение) кантовского проекта в его анархическом прочтении. Идея создания федерации безусловно сближает кантовский и анархистский проекты политического реформирования. Хотя при этом стоит учитывать, что скрытые темы основной линии кантовского космополитизма были отмечены анархистскими и радикальными критиками. Костас Дузинас (греческий политический деятель и директор-основатель Института Гуманитарных Исследований Исследований в Биркбеке, Англия) и Ноам Хомский (профессор лингвистики Массачусетского технологического института, политический

публицист, философ и теоретик) подчеркивают первые про-государственные предпосылки кантовского космополитического проекта: режимы законов о правах человека, права беженцев и суды с глобальной юрисдикцией, направленные на содействие гегемонистским державам [12, С. 131].

То есть, анархизм, оказываясь в оппозиции как к национализму, так и к либерализму, делает акцент не на универсализации какого-либо рода отношений или ценностей, но на их максимальной дифференциации.

Здесь интересно обратить внимание на то, как Мэри Калдор (британский академик и одна из ключевых фигур развития теории космополитической демократии) [10] описывает процессы, создающие космополитизм сверху, в форме международных организаций, сложных партнерств и соглашений о сотрудничестве между государствами; и процессы, создающие космополитизм снизу через деятельность транснациональных социальных движений. Тот факт, что люди могут развивать свою роль и идентичность в качестве национальных граждан при непосредственном участии в политической деятельности, направленной на выход за пределы национального государства, указывает на особое понимание космополитизма теми людьми, которые выражают свои политические интересы.

Таким образом, эта деятельность напрямую связана с усилением значения социального взаимодействия и ослаблением роли государства, что демонстрирует не только программные точки анархизма, но и сопрягает этот вид социальной активности с базовым определением социальной революции, беря свое начало в среде масс населения, а не в плоскости правящей элиты. И в то время, как для либеральных кругов космополитизм означает видение глобальной демократии и мирового гражданства, для других он указывает на возможности формирования новых транснациональных структур для установления связей между социальными движениями.

На более непосредственном уровне, чем глобальные политические программы, концепция такого рода космополитизма применяется для описания разнообразных интересов политических субъектов, формирующих отдельные социальные образования. Используя эту интерпретацию, Дэвид Холлинджер (член Американской академии искусств и наук и Американского философского общества) предполагает, что «космополитизм более ориентирован на индивида, который понимается как член ряда различных сообществ одновременно» [9, С. 86]. В свою очередь, Митчелл Коэн (профессор политологии в Барух Колледже, США) также выступает за понимание космополитизма как «многомерной концепции политического общества и человеческих отношений, которая подразумевает важный принцип: легитимность принадлежности к множеству социальных формаций» [5, Р. 482]. Таким образом, можно заключить, что речь идет о создании коллективного субъекта (*Мы*), который выражает собой активный социальный организм, а не привычные для капиталистического порядка интересосубъективные связи (множественных *Я*), сводящиеся к взаимодействию эгоистичных деятелей.

На самом деле этот взгляд на космополитизм является довольно древним. Его можно проследить от древнегреческих стоиков, а точнее, их тезиса о том, что «мы думаем о себе не как о лишенных местной принадлежности, но как об окруженных

рядом концентрических кругов» [13, С. 4]. С этой точки зрения, каждый *круг* представляет различный уровень принадлежности или идентификации: от самого себя, семьи, группы, города и страны до всего человечества. Соответственно, конкретные политические интересы человека и его деятельность неизбежно переходят из одного *круга* в другой. При этом современные процессы, такие как диаспорическая идентификация и возрастающее значение политики идентичности, привели к увеличению количества интересов людей и их принадлежностей, вокруг которых одно и то же лицо может в тот или иной момент мобилизоваться политически [19].

Возвращаясь к космополитической политике в этом понимании, можно отметить, что она подчеркивает и поощряет наличие у людей многократных связей. И в этом ключе политические институты, обслуживающие структуру накладывающихся друг на друга взаимосвязей, будут включать гражданские и добровольные ассоциации, сети и коалиции, обеспечивающие выражение различных интересов и мнений [15].

Кроме того, стоит указать на то, что наряду с наличием множественных идентификаций либертарное видение космополитизма предполагает, что члены *космополитической* федерации воплощают в себе уникальный взгляд или способ взаимодействия с миром. В этом отношении можно привести точку зрения Ульфа Ханнерца (профессора социальной антропологии Стокгольмского Университета), который рассматривает космополитизм как «перспективу, состояние души или – с более процессуальной точки зрения – способ управления значением» [8, С. 238]. Далее, Ханнерц развивает свою мысль, уточняя, что «перспектива космополита должна приносить с собой отношения со множеством культур» [8, С. 239], и это, в свою очередь, влечет за собой «прежде всего ориентацию и готовность взаимодействовать с *Другим*. Это интеллектуальная и эстетическая позиция открытости к различным культурным переживаниям» [8, С. 239]. Космополитизм здесь представляет собой стремление к культурному разнообразию, а его понимание в таком ключе Пьер-Андре Тагиефф (французский философ и политолог) называет «гетерофилией» [14]. Следовательно, можно проследить, что *культурное разнообразие* и *открытость к различным культурным переживаниям* представляют собой раскрытие анархистской идеи о равном (в отношении своих прав), но разном (гетерогенном) сообществе, в котором *Другой* выступает не чуждым носителем иных ценностей, но так или иначе входит в состав тех *кругов*, из которых складывается единый коллективный субъект.

Очевидно, что космополитическая программа анархизма наиболее близка концепту социальной революции. При этом, принимая во внимание, то обстоятельство, что, как предполагается, участники социальных отношений устанавливают между собой связи на базе *кругов*, членами которых они выступают, то получается, что переосмысливается сама структура общества. Таким образом, *анархический* космополитизм предполагает не просто изменение установленного порядка, когда из социального измерения исключается как основной субъект государство, но по сути – социальную революцию внутри самого общества.

Выводы. Подводя итог проведенному исследованию, можно указать на то, как в рамках того или иного направления политической философии концепция социальной революции распадается на экономический, политический или социальных элементы, очерчивая тем самым доминирующие векторы отношений, предполагаемые каждой из приведенных интерпретаций исходного концепта. Более того, можно обнаружить, каким образом базовое определение «социальной революции» как радикальных социальных трансформаций, берущих свое начало непосредственно из самого общества, подменяется интересами государства (в случае национализма) или межгосударственных институтов (в случае космополитизма), которые провозглашаются общественными. В этой связи, политическая программа анархизма выступает референтным маркером, для сопоставления двух предыдущих типов интерпретации «социальной революции» с ее исходным концептом, берущим свое начало именно в основаниях либертарной философии и возвращающего нас в поле социального и интересубъективного, что может быть рассмотрено в качестве действительно универсальной среды для последующей разработки исследуемой концепции.

Список литературы

1. Кант И., Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. Сочинения в шести томах / И. Кант; пер. с нем. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6, 743 с.
2. Кант И., Критика практического разума / И. Кант; пер. с нем. – СПб.: Наука, 1995. – 528 с.
3. Кант И., К вечному миру. Сборник / И. Кант; пер. с нем. – М.: Рипол-классик, 2018. – 434 с.
4. Caranti L. How cosmopolitanism reduces conflict: A broad reading of Kant's ingredient for a peace // *Journal of International Political Theory*, 2018, Vol. 14 (I), pp. 2–19.
5. Cohen M. Rooted Cosmopolitanism: Thoughts on the Left, Nationalism and Multiculturalism. *Dissent*, 1992, Fall, pp. 478–483.
6. Derrida J. *Adieu To Emmanuel Levinas*. California, Stanford University Press, 1999, 168 p.
7. Derrida J. *On Cosmopolitanism and Forgiveness (Thinking in Action)*. Padstow, Routledge, 2002, 78 p.
8. Hannerz U. Cosmopolitans and Locals in World Culture. *Global Culture*, 1990, Vol. 7 (II-III), pp. 237–252.
9. Hollinger D. A. *Postethnic America: Beyond Multiculturalism*. New York, Basic Books, 1995, 312 p.
10. Kaldor M. *Cosmopolitanism versus Nationalism: The New Divide? Europe's New Nationalism: States and Minorities in Conflict*. Oxford, Oxford University Press, 1996, pp. 42–58.
11. Kant I. *Political writings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1991, 309 p.
12. Levy C. *Anarchism and Cosmopolitanism*. The Palgrave Handbook of Anarchism. Cham Switzerland, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 125–148.
13. Nussbaum M. *The Therapy of Desire – Theory and Practice in Hellenistic Ethics*. New Jersey, Princeton University Press, 1994, 558 p.
14. Taguieff P.-A. *The New Cultural Racism in France*. *Telos*, Vol.83, 1990, pp. 109–122.
15. *Conceiving Cosmopolitanism: Theory, Context and Practice*. Steven Vertovec and Robin Cohen eds., Oxford, Oxford University Press, 2002, 328 p.
16. Appiah K. A. *Cosmopolitanismo. La Éica en un Mundo de Extraños*. Madrid, Katz ed., 2018, 242 p.
17. Harvey D. *El Cosmopolitismo y las Geografías de la Libertad*. Madrid, Akal, 2017, 346 p.
18. Cornélius C. *L'institution Imaginaire de la Société*. Paris, Le Seuil, 1975, 498 p.
19. Garcia T. *Nous*. Paris, Grasset, 2016, 307 p.
20. Hyat S. *Rendre visible la révolution sociale*. URL: https://www.liberation.fr/debats/2015/10/22/rendre-visible-la-revolution-sociale_1408141 (Дата обращения: 24.10.2019).
21. Граевский В. Анархизм и Космополитизм. URL: <https://aitrus.info/node/4435> (Дата обращения: 24.10.2019).

Vlasov A.A. Nationalism – Cosmopolitanism – Anarchism: the Search for a Social Revolution // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 3. – P. 70–80.

Paradigm shifts, reassessment of values, rethinking of the relations, which constitute the society, the State and the coexistence of people, — all these factors, represent separate characteristics of what a social revolution means. Anarchism, nationalism and cosmopolitanism are three social concepts that are opposed to each other at first glance, but, with a closer scrutiny, they tend to have a more sophisticated and sometimes interdependent relationships which are determined, not least of all, by the ambiguity of these concepts. This concept, which arose within the framework of the philosophy of anarchism, has long ceased to belong only to that philosophical approach and has gone beyond the limits of its political program. Consequently, speaking about the social revolution, it is necessary to take into account those possible interpretations that can be attributed to the modern reading of this concept. Consistently spinning the spiral of critical analysis, it becomes possible to make a transition from changes occurring within a separate nation-state to the relationship between global actors, in order to finally discover the position of maximum criticism towards existing relations.

Keywords: social revolution, anarchism, cosmopolitanism, nationalism.

References

1. Kant I. Ideya vseobschey istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane [Idea for a Universal History from a Cosmopolitan Point of View]. *Sobranie sochinenij v shesti tomah* [Collected Works in Six Volumes], M., Misl, 1966, Vol. 6, 743 p.
2. Kant I. Critica prakticheskogo razuma [The Critique of Practical Reason], SPb, Nauka, 1995, 528 p.
3. Kant I.K. vechnomu miru (1795) [Perpetual Peace: A Philosophical Sketch], M., Ripol-classik, 2018, 434 p.
4. Caranti L. How cosmopolitanism reduces conflict: A broad reading of Kant's ingredient for a peace, *Journal of International Political Theory*, 2018, Vol. 14 (I), pp. 2–19.
5. Cohen M. Rooted Cosmopolitanism: Thoughts on the Left, Nationalism and Multiculturalism, *Dissent*, 1992, Fall, pp. 478–483.
6. Derrida J. *Adieu To Emmanuel Levinas*, California, Stanford University Press, 1999, 168 p.
7. Derrida J. *On Cosmopolitanism and Forgiveness (Thinking in Action)*, Padstow, Routledge, 2002, 78 p.
8. Hannerz U. *Cosmopolitans and Locals in World Culture*, *Global Culture*, 1990, Vol. 7 (II-III), pp. 237–252.
9. Hollinger D. A. *Postethnic America: Beyond Multiculturalism*, New York, Basic Books, 1995, 312 p.
10. Kaldor M. *Cosmopolitanism versus Nationalism: The New Divide?*, *Europe's New Nationalism: States and Minorities in Conflict*, Oxford, Oxford University Press, 1996, pp. 42–58.
11. Kant I. *Political writings*, Cambridge, Cambridge University Press, 1991, 309 p.
12. Levy C. *Anarchism and Cosmopolitanism*, *The Palgrave Handbook of Anarchism*, Cham Switzerland, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 125–148.
13. Nussbaum M. *The Therapy of Desire – Theory and Practice in Hellenistic Ethics*, New Jersey, Princeton University Press, 1994, 558 p.
14. Taguieff P.-A. *The New Cultural Racism in France*, *Telos*, Vol.83, 1990, pp. 109–122.
15. *Conceiving Cosmopolitanism: Theory, Context and Practice*, Steven Vertovec and Robin Cohen eds., Oxford, Oxford University Press, 2002, 328 p.
16. Appiah K. A. *Cosmopolitismo. La Éica en un Mundo de Extraños*, Madrid, Katz ed., 2018, 242 p.
17. Harvey D. *El Cosmopolitismo y las Geografías de la Libertad*, Madrid, Akal, 2017, 346 p.
18. Cornélius C. *L'institution Imaginaire de la Société*, Paris, Le Seuil, 1975, 498 p.
19. Garcia T. *Nous*, Paris, Grasset, 2016, 307 p.
20. Hyat S., *Rendre visible la révolution sociale*, URL: https://www.liberation.fr/debats/2015/10/22/rendre-visible-la-revolution-sociale_1408141 (Accessed: 24 October 2019).
21. Graevskiy V. *Anarkhizm i Kosmopolitizm* [Anarchism and Cosmopolitanism], URL: <https://aitrus.info/node/4435> (Accessed: 24 October 2019).